

© 2000 г. А.В. КРАВЧЕНКО

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМИОЗИСА

Естественный человеческий язык является знаковой системой, при этом знаковость как совокупность определенных свойств материального (форма) и идеального (содержание) характера присуща не только слову как типичному представителю языковых знаков, но и единицам более высокого уровня, или полным языковым знакам, иерархической вершиной которых являются высказывание и текст. Одним из принципиальных положений структурализма является постулат о зависимости значения языковой формы от системы языка как таковой: *"В языке нет ничего, кроме различий. ...В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу"* [Соссюр 1977: 152 и сл.]. Однако сколько бы лингвисты ни пытались постичь суть этой системы, их усилия не принесут нужных результатов до тех пор, пока внешний мир и знание о нем – для отображения и репрезентации последних, собственно говоря, и служат различные знаковые системы – будут исключаться из предмета лингвистики и лингвистической семиотики. Ведь любой знак сам по себе является объектом реального мира, и его изучение не в о з м о ж н о в отрыве от той среды, в которой он существует.

Особым видом знака является знак языковой – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности [ЛЭС 1990: 167]. Следует сказать, что не все разделяют эту точку зрения. Так, в работах представителя философского позитивизма Р. Карнапа, оказавших заметное влияние на лингвистические знаковые теории, знак рассматривается как односторонняя сущность, поскольку значение языковой формы исключается из научного анализа как препятствующее процессу формализации и математизации синтаксиса естественного языка. Здесь можно заметить, что даже самая успешная формализация и математизация языка (в возможность которых, впрочем, сегодня мало кто верит) вряд ли может способствовать п о н и м а н и ю е г о п р и р о д ы, так как знак без значения, вложенного в него интерпретатором, перестает быть знаком.

В.З. Панфилов считал знак не двусторонней, а односторонней единицей, аргументируя это следующим образом: "Идеальная сторона билатеральных языковых единиц, имея ту же онтологическую природу, что и содержание абстрактного, обобщенного мышления, формируется в связи с отражением объективной действительности, является образом (в гносеологическом смысле). ...Идеальная сторона языковой единицы, будучи образом тех предметов объективной действительности, с которыми она соотносится, в отличие от ее материальной стороны не является произвольной и, следовательно, знаковой по своей природе. Этой природой обладает лишь материальная сторона языковой единицы, ввиду чего языковым знаком следует считать не языковую единицу в целом, а лишь ее материальную сторону, т.е. языковой знак представляет собой не двустороннюю, а одностороннюю сущность" [Панфилов 1983: 79 и сл.]. Как видим, эта аргументация основана опять-таки на той предпосылке, что языковой знак по своей природе произволен – что, в общем и целом, в лингвистической семиотике убедительно никем доказано не было. Более того, тезис о произвольном характере

идеальной стороны знака как образа некоторого реально существующего объекта представляется малоубедительным.

Термин "образ" в том виде, как его употребляет В.З. Панфилов, предполагает, как минимум, три возможных интерпретации: 1) образ в смысле "икона" как тип знака, обнаруживающего сходство со своим объектом (ср. значение слова *образ* в русской христианской культуре), 2) образ в смысле "внутренний (в отличие от внешнего) эмпирический объект", или *п е р ц е п ц и я*, т.е. образ, возникающий в воображении человека, 3) образ как абстрактное содержание (= концепт), понимание которого является необходимым условием адекватного употребления языкового знака; поскольку концепты обеспечивают отождествление и различение объектов, их можно рассматривать как "целостные совокупности свойств объекта" [ЛСД 1994: 91] в виде определенных информационных структур (иногда в этом значении употребляется термин "гештальт"). Очевидно, "образ в гносеологическом смысле" надо понимать как некую структуру представления знания, отражающую содержание опыта, т.е. как концепт – но тогда необходимо учитывать ряд важных факторов, связанных с сущностными характеристиками концептов.

Во-первых, не каждый образ, вызываемый в сознании воспринятым знаком, является отображением чего-то, реально существующего в действительности – напомним широко обсуждавшиеся (и потому хорошо известные) примеры таких языковых единиц, как *кентавр*, *единорог*, *русалка* и т.п. Во-вторых, как совершенно справедливо указывает Б.М. Гаспаров [Гаспаров 1996: 284], "образ, вызываемый тем или иным выражением в представлении того или иного говорящего субъекта, отражает индивидуальный жизненный опыт и уникальные перцептивные способности именно этой личности и никогда не бывает тождественен тому образу, который это же выражение вызовет в сознании любого другого говорящего субъекта", т.е. образ с у б ъ е к т и в е н по своей природе. В-третьих, противопоставление произвольности материальной стороны знака произвольности его идеальной стороны строится на допущении, что тело знака (знаконоситель) в той форме, в которой оно существует в данном конкретном языке, есть результат волюнтивного акта со стороны пользователей языка, тогда как структура образа (концепта) не является результатом какого-либо соглашения (конвенции). О логическом противоречии, заключенном в сосюрровском постулате о конвенциональной природе языка, нужно говорить отдельно, но даже если принять (с большим допущением) этот постулат как отражающий социальный аспект языка, то тогда точно так же его следует распространить и на концепт, поскольку концепты способствуют "обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные *в ы р а б о т а н н ы е о б щ е с т в о м* (разрядка моя. – А.К.) категории и классы" [КСКТ 1996: 90]. В обоих случаях, т.е. когда речь идет о роли о б щ е с т в а в формировании материальной либо идеальной стороны языкового знака, эта роль гипостазирована в нечто вневременное и внепространственное (в духе Платона), хотя на самом деле эта роль заключается в том, что общество выступает всего лишь с р е д о й, в которой живет и функционирует язык. В противоположность сосюрровской характеристике языка как социального продукта, совокупности необходимых условностей, принятых коллективом, следует признать справедливым замечание Р. Барта о том, что "язык – это не та сфера, где человек принимает на себя социальные обязательства, это лишь рефлекс, не ведающий выбора, нераздельная собственность всех людей... социальным объектом он является по своей природе, а не в результате человеческого выбора" [Барт 1983: 309]. В этом смысле роль общества в семиозисе носит такой же характер, как роль природных условий, скажем, в формировании и развитии системы водоемов в какой-то географической местности: с одной стороны, нельзя отрицать влияния этих условий на общее количество и характер рек, озер, болот и т.п.; с другой стороны, это влияние не определяется наличием какого-либо замысла (интенции) с чьей бы то ни было стороны, а формирование и функционирование водных элементов среды не определяется каким-либо планом. Это, однако, не мешает тому, чтобы водоемы использовались человеком

для удовлетворения различных потребностей – в той мере, в какой они оказываются для этого пригодными.

Обычно, когда говорят о материальной стороне языковых знаков, вопрос о виде материи, его образующей, не является предметом специального рассмотрения: действительно, всем известно, что слова состоят из звуков (колебательных движений воздуха или другой среды), которые могут быть графически (т.е. зрительно) репрезентированы в виде письма. Но почему материей, из которой "слеплен" естественный язык, должны быть звуки (точнее, звуковые целочки, или синтагмы), а не какие-то другие материальные сущности? Свыше 80% информации в мозг человека поступает через зрительные анализаторы, а поскольку язык является средством хранения и передачи информации, естественно было бы ожидать, что в роли языковых законодателей должны выступать з р и т е л ь н о в о с п р и н и м а е м ы е с у щ н о с т и. Это естественное ожидание приводит, в частности, к тому, что – и здесь с Соссюром нельзя не согласиться – "изображению звучащего знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку. Это все равно, как если бы утверждали, будто для ознакомления с человеком полезнее увидеть его фотографию, нежели его лицо" [Соссюр 1977: 63]. Соссюр призывал не забывать, что язык и письмо представляют собой две различные системы знаков, из которых вторая существует лишь для того, чтобы служить для изображения первой (хотя, конечно же, это не совсем так – но об этом чуть позже), поэтому предметом лингвистики должно быть не слово звучащее и слово графическое в их совокупности, а исключительно звучащее слово. Таким образом, рассматривая материальную сторону языкового знака, мы должны ответить, как минимум, на два вопроса: 1) Почему естественный человеческий язык является звуковым, т.е. случайность это или определенная закономерность? и 2) Какое место в семиозисе занимает графическая репрезентация звуковых знаков, или письмо – в частности, в аспекте информационно-репрезентативной функции языковых знаков?

На первый вопрос можно попытаться ответить, если отвлечься от идеи "конвенциональности" языка и рассматривать его как особую среду, являющуюся, в свою очередь, частью е с т е с т в е н н о й среды, в которой протекает жизнедеятельность человека. Учитывая, что звук является практически универсальным средством общения также и в животном мире, следует предположить наличие объективных предпосылок к тому, чтобы звуковая материя служила универсальным строительным материалом для языковых законодателей. Очевидно, что сущность, выступающая в (конвенциональной) знаковой функции, должна обладать следующими прагматическими характеристиками: легкодоступность, стабильность (или легковоспроизводимость), мобильность, компактность. Остановимся на них подробнее.

Л е г к о д о с т у п н о с т ь и с т а б и л ь н о с т ь. На первый взгляд, эти требования могут в равной мере распространяться как на натурфакты, так и на артефакты, выступающие в знаковой функции. Действительно, если некоторый тип натурфакта является постоянным элементом среды, окружающей пользователя знаков, т.е. он всегда под рукой, почему не использовать его как знак? Например, такую функцию могли бы выполнять мелкие камни особой формы или цвета, морские раковины, перья птиц и т.п. – и в некоторых культурах натурфакты такого рода на деле используются как неязыковые знаки, но их потенциальные знаковые возможности все равно крайне ограничены по ряду причин, а потому они не могут выполнять функцию я з ы - к о в ы х знаков.

Одной из таких причин является то, что для выполнения знаковой функции материальная сущность должна быть включена в общий опыт интерпретаторов, в котором внешняя форма этой сущности (тело знака, или законодатель) должна сохранять стабильность (неизменность), благодаря которой обеспечивается ее "узнавание" и, соответственно, адекватная интерпретация. Это значит, что если какой-то натурфакт наделяется значением и начинает выступать в знаковой функции, он с необходимостью должен являться всем возможным пользователям в более или менее неиз-

менном виде, т.е. каждый э к з е м п л я р такого знака должен быть тождественен любому другому экземпляру этого же знака. Следовательно, для того, чтобы какой-то натурфакт смог выступать в функции (языкового) знака, должно существовать практически неограниченное количество его экземпляров. Вместе с тем, случаи, когда два (не говоря уже о большем количестве) однотипных натурфакта хотя бы на первый взгляд обнаруживают тождественность друг другу, в природе крайне редки.

Понятие "легкодоступности" включает в себя не только идею "подручности", но и идею "чувственной данности", т.е. сущность, выступающая в знаковой функции, должна быть а) в наличии, б) доступной нормальному (в смысле "не связанному с проблемой идентификации") восприятию. Другими словами, реакция на раздражитель (знак) не должна быть затруднена, т.е. знак должен быть ч у в с т в е н н о я в н ы м. (Отметим попутно, что на эмпирическом уровне понятие "наличия" напрямую связано с чувственной явленностью: то, что воспринимается, – есть, и наоборот, того, что не воспринимается, – нет.)

Другая причина невозможности использования натурфактов в функции языковых знаков проистекает из того обстоятельства, что язык, будучи средством приспособления человека к окружающей среде (частью которой язык одновременно является как продукт такой приспособительской деятельности), не может быть чем-то чисто внешним по отношению к приспосабливаемому организму, он должен быть о н т о л о г и ч е с к и с ним связан, чего о подавляющем большинстве натурфактов сказать нельзя. Это условие онтологической связи накладывает ограничение и на возможность использования в знаковой (языковой) функции артефактов, которые могут удовлетворять как условию легкодоступности, так и условию стабильности.

М о б и л ь н о с т ь. Это условие (т.е. способность знака беспрепятственно, или почти беспрепятственно, перемещаться в пространстве-времени) является важным фактором, определяющим возможность для материальной сущности выступать в роли законносителя. Объясняется это тем, что а) человек (пользователь языковых знаков) ведет активный образ жизни, постоянно перемещаясь в пространстве-времени, б) передача информации (а именно этой цели служат языковые знаки), как правило, связана с преодолением определенных пространственно-временных пределов, разделяющих отправителя и получателя. Таким образом, мобильность как свойство знаковой сущности подразумевает двоякую способность: перемещаться и быть перемещаемой в пространстве-времени. В свою очередь, эта способность напрямую связана с тем, насколько законноситель отвечает требованию компактности.

К о м п а к т н о с т ь. Материальная сущность тем мобильнее, чем она компактнее. Это общее свойство объектов действительности, наблюдаемое в природе, однако не следует понимать абсолютно, применительно к знакам оно должно трактоваться как ограничительная зависимость. Ограничения на эту зависимость накладываются факторами прагматического характера: уменьшение физических размеров законносителя (как по параметру пространственных измерений, так и по временному параметру) сверх определенных пределов ведет к нарушению условия легкодоступности, и может получиться так, что физические характеристики предполагаемого законносителя окажутся за сенсорным порогом чувственных анализаторов, ответственных за восприятие знака. Таким образом, критерием компактности выступает опять же прагматический фактор.

Роль прагматических факторов в семиозисе отнюдь не случайна или второстепенна, как это может показаться на первый взгляд. Рассмотренные нами условия, которым должен удовлетворять языковой знак (точнее, законноситель), находятся в тесной взаимосвязи (когда то или иное условие является причиной либо следствием другого) и отражают практический аспект языковой деятельности человека как процесса непрерывного оперирования знаковыми сущностями. В ходе такой деятельности человек все время оказывается перед необходимостью решать двуединую задачу объективации опыта посредством языковых знаков и категоризации опыта самих этих знаков, являющихся "важнейшим и неотъемлемым компонентом жизненного опыта, в

котором протекает существование говорящего субъекта" [Гаспаров 1996: 241]. Будучи одновременно средством и продуктом целенаправленной деятельности, языковые знаки прагматичны по своей онтологии, что, в общем и целом, блестяще показал в своих трудах Ч.С. Пирс.

Итак, что же должен представлять собой законодатель, чтобы отвечать необходимым прагматическим условиям, обеспечивающим успешное функционирование языкового знака? Во-первых, он всегда, независимо от меняющихся условий внешней среды, должен быть "под рукой" у пользователя; во-вторых, он должен иметь онтологическую общность с организмом, целям приспособления которого к среде служит языковой знак; в-третьих, его основные сущностные характеристики не должны зависеть от индивидуальных биологических (морфологических) особенностей организма; в-четвертых, должна существовать возможность оперирования практически бесконечным числом экземпляров каждого отдельного знака, а это значит, что важнейшим свойством законодателя должна быть его воспроизводимость в любом месте и в любой момент; в-пятых, законодатель должен иметь сложную структуру, формируемую сочетанием конечного относительно небольшого набора составных элементов, так как "дурное" дублирование мира в знаках, обладающих названными характеристиками, просто невозможно. Все это подводит к мысли, что идеальным (т.е. отвечающим всем перечисленным условиям) телом знака должно быть материальное образование, являющееся продуктом функционирования организма в естественных условиях. Таким продуктом может быть лишь структура, состоящая из ч л е н о р а з д е л ь н ы х з в у к о в – а это значит, что, во-первых, характер материальной субстанции, легшей в основу естественного языка, не случаен, а во-вторых, эта материальная субстанция накладывает ограничения на р а з р е ш а ю щ и е способности знаковой системы, используемой в качестве языка.

Одним из наиболее явных ограничений, которые звуковая субстанция накладывает на разрешающую способность естественного языка, является ограниченное время существования звукового знака. С одной стороны, волновая природа звуковых колебаний (и, соответственно, одновекторная направленность их воздействия на орган слуха воспринимающего знак человека) обуславливает их п р е х о д я щ и й характер, с другой стороны, источник этих колебаний (в нашем случае – голосовые связки человека) не может служить таким "вечным двигателем": человек может устать от долгого говорения, охрипнуть, осипнуть, вообще потерять голос; наконец, он может просто умереть – и вместе с ним умрет знание (т.е. не будет с о з н а н и я), которым он располагал, но которое некому теперь представить в форме звуковых знаков языка.

Другим ограничением – хотя не столь явного характера – является порог чувствительности органов слуха человека. В частности, существенную роль при пользовании звуковыми знаками играет расстояние между отправителем и получателем информации: для того, чтобы обмен информацией проходил успешно, участники этого процесса должны находиться на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. Именно этот фактор послужил на определенных этапах развития человеческого общества стимулом к созданию искусственных знаковых систем, основанных на зрительном восприятии законодателей (например, различные виды семафоров). Но как только естественная (биоантропогенная) звуковая субстанция как материальное тело знака приносится в жертву узкопрагматическим целям и заменяется субстанцией иного рода, знак перестает быть е с т е с т в е н н о я з ы к о в ы м, а система, которую такие знаки образуют, усилив один аспект своего функционирования (например, способность передавать информацию на некоторое расстояние), значительно ослабляет, а порой и просто сводит на нет, другие аспекты (например, объем информации, которую способен нести знак вообще, и объем информации, который можно передать в единицу времени, в частности); и все это вызвано тем, что искусственно созданные знаки лишены, как правило, нескольких сущностных характеристик, которыми должен

обладать языковой знак, чтобы быть оптимальным средством хранения и передачи информации (см. выше).

Тем не менее, осознание ограниченных возможностей звукового знака языка привело к тому, что в ходе эволюционного развития человеческого (= информационного) общества было найдено средство, позволяющее преодолеть ограничения, накладываемые звуковой субстанцией на разрешающую способность языка как знаковой системы, и при этом с наименьшим для нее ущербом. Таким средством стало величайшее изобретение человечества – письмо, особенно алфавитное.

Язык – информационная знаковая система, а информация существует во времени и пространстве; следовательно, возникает проблема ее сохранения и во времени, и в пространстве. Как уже говорилось выше, звуковой язык не позволяет в полной мере решить эту задачу. В его распоряжении находится лишь такое средство, как устный миф или предание, существование которых напрямую зависит как от мнемонической способности человека, так и от непрерывности цепочки, по которой мифы и предания передаются от поколения к поколению. Оба эти условия сами по себе являются ограничивающими в той мере, в какой речь идет о выполнении языком его главной функции – сохранения и передачи информации. Во-первых, не все люди обладают одинаково развитой памятью, позволяющей удерживать в более или менее неизменном виде некоторый массив информации на протяжении длительного времени (в идеале – на протяжении всей сознательной жизни человека). Во-вторых, развитие цивилизации на протяжении всей человеческой истории всегда сопровождалось ростом накопленной информации, объем которой в последние годы XX в. фактически удваивается каждые несколько лет – а так как язык есть специфическая (информационная) среда, вне которой не может существовать homo sapiens как биологический вид, возникает необходимость сохранения и поддержания этой среды; биологические (нейрофизиологические) возможности человека этого сделать не позволяют. В-третьих, нарушение преемственности поколений (природная катастрофа, эпидемия, война и т.п.) ведет к утрате "связи времен" и, соответственно, к невосполнимой потере значительного объема информации. Этим в немалой степени объясняется тот факт, что современная наука располагает относительно небольшими сведениями о жизни человека в так называемую "доисторическую" эпоху, да и те большей частью носят гипотетический характер. Собственно говоря, само понятие "доисторической эпохи" связано с отсутствием исторических свидетельств о том или ином периоде времени, а историческое свидетельство – это не что иное, как информация, сохранившаяся во времени.

Таким образом, для того, чтобы общество нормально функционировало и развивалось, необходимо, чтобы информация сохранялась полностью и без изменений, вызванных действием временного фактора, поэтому путь мифа и предания не может быть достаточно эффективным средством достижения данной цели. Необходимо такое средство хранения и передачи информации, которое бы сохраняло свою сущность как материальный объект вне зависимости от времени, т.е. необходим языковой знак иной материальной субстанции, нежели звуковой. Таким знаком является графическое слово. Следовательно, вопрос о соотношении слова звучащего и слова написанного приобретает несколько иной смысл, чем у Соссюра; более того, в свете вышеизложенного, цели и задачи лингвистики как науки о естественном языке также предстают в ином ракурсе, имеющем естественно-научную гносеологическую ориентацию.

Не будет преувеличением сказать, что сегодня лингвистика выходит на новый этап в своем развитии, связанный с кардинальным переосмыслением общей концептуальной парадигмы, в рамках которой предстоит развиваться науке о языке в обозримом будущем. Важнейшее место в этой парадигме знания должно по праву принадлежать семиотике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р.* 1983 – Ненулевая степень письма // Семиотика. М., 1983.
- Гаспаров Б.М.* 1996 – Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- КСКТ* 1996 – *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- ЛЭС* 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- ЛСД* 1994 – Логический словарь ДЕФОРТ. М., 1994.
- Панфилов В.З.* 1977 – Философские проблемы языкознания. М., 1977.
- Соссюр Ф. де.* 1977 – Труды по языкознанию / Пер. с франц. языка под ред. А.А. Холодовича. М., 1977.